

Вчера я взирал на тебя с холма, милый Стамбул.

Яхья Кемаль

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГОРОД ЦАРЯ ВИЗАСА

Бог смотрел на Царя. То была церемония приношения даров: день благодарственной молитвы, момент расплаты, час благоговения. Словно священный подарок, Бог преподнес им этот прекрасный кусок земли, выступающий в море орлиной головой. Ветер волшебной силой наполнил паруса кораблей; земля, будто роженица, превратила брошенные в нее семена в дивные плоды; море стало щедрым и даровало им вкуснейших из рыб. Бог ограждал народ от горестей. Теперь пришел его черед. Царь должен был выполнить предначертанное, то, что и полагалось, — сдержать свое слово. Он схватился за широкий, остро наточенный кинжал.

Бог смотрел на Царя. Небольшую площадку заливал молочно-голубой свет. Повсюду чувствовался запах моря. На открытом помосте Царь ощутил подступающую огнем влажную прохладу. Почуял ее и молодой бык, замерший возле алтаря. Животное вздрогнуло всем телом. Вздрогнули и четверо воинов, с трудом удерживавшие молодого быка. Вздрогнул жрец в шаге позади быка. Но не вздрогнул Царь. Он не улавливал незримого прикосновения ветра, не замечал прохлады, от которой мурашки бежали по телу. Приблизившись, лишь медленно поднял свой кинжал.

Бог смотрел на Царя. Тот, представ перед ним, остановился, почти тельно поднял голову. Взглянул на трезубец в руках у Бога. На это всеяющее страх оружие, которое одним ударом могло низвергнуть на дно моря целое царство. Благоговение в его сердце обратилось в страх, и он стремительно отвел взгляд. На какой-то миг все на площадке замерло: ветер, дувший с моря; бык, черная шкура которого яростно подергивалась; воины, сдерживавшие быка. Вдруг надо всем нависла пугающая тишина. Подожди Царь еще немного — и затишье превратится в вечное проклятие, помедли чуть-чуть — он разгневает Бога.

Он немедленно должен заговорить. Дальнейшее ожидание невозможно.

— Эй, Посейдон! — прогремел он. — Эй, бог морей, сотрясающий землю, бог лошадей! Сын Крона и Реи! Брат Зевса и Аида! Эй, сильнейший из бессмертных! Тысяча благодарностей тебе! Преклонение! Море любви! Всё это — тебе!

Ты не отвернулся от нас. Не оставил нас с тех пор, как мы отправились в путь из Мегар. Был рядом с нами в нашей участи. Не испы-

тывал на нас свой гнев. Не вызывал бури перед нашими кораблями. Не обращал свой трезубец против нас. Ты умирал моря, делал их милостивыми и благодатными.

Эй, самый величественный из богов! Вечный властелин морей! Покровитель переселенцев из Мегар! Не будь тебя — не отыскать нам края, с трех сторон охваченного морями. Не будь тебя — не основать нам нашего юного города, колоссом вознесшегося над плодородными землями. Если бы не ты — не быть нам ни на суше, ни на море. Ты, любящий нас как собственных детей! Ты, проявивший к нам сострадание, явивший нам свою милость, защитивший нас! Мы желаем воздать тебе свою благодарность — принести в жертву этого быка. Просим: прими наш дар. И впредь, как и до сего времени, не отказывай нам в своей милости, храни и оберегай нас. Не откажи, сделай так, чтобы и прочие боги были добры к нам. Лишь ты любишь нас больше всех. Оттого что ты наделен силой и величием.

Казалось, Бог не услышал этих слов и продолжал смотреть извергающимися пламя глазами на юного царя юной страны — Визаса. Царь не почувствовал ни капли огорчения из-за такого равнодушия. Не утратив ни в коей мере своего почтения, он пал на колено, приветственно склонил голову. Потом выпрямился и, как воин, твердо нацеленный на свою жертву, пошел к черному быку, которого с трудом удерживали четверо. Бык заметил кинжал раньше приближавшегося к нему Царя. Солнце, будто стремясь известить о неминуемой катастрофе, направило свои лучи на поверхность металла, и те отразились в глазах животного. Бык изо всех сил потянул веревки и попытался сбежать с этой небольшой, со всех сторон пропитанной запахом моря площадки, избавиться от блеска, бившего в глаза. Пытаясь вырваться из плена, он потащил стражников за собою.

Но воины не позволили ему сбежать, крепко удерживали веревками мощное животное.

Бог смотрел на Визаса. Тот не спеша приближался к быку. Почувяв запах Царя, животное еще сильнее взволновалось, его ноздри яростно раздувались. Воины уже не справлялись с ним. Жрец, державший деревянную чашу для крови, давно завел песнопения. Визас застыл перед величественно прекрасным быком и, прежде чем вонзить свой кинжал, с почтением взглянул на свою жертву. Бык тоже устремил на Царя свой взор. Он смотрел с напряженным любопытством, словно хотел разгадать, что же произойдет. Нельзя было заставлять ждать ни Бога, ни быка. Царь снова крепко-накрепко ухватился за рукоять. Сделал шаг, занес кинжал снизу и воткнул в горло быка. Кровь начала хлестать в чашу, удерживаемую жрецом, но бык все еще стоял на месте. Немного погодя он вздрогнул от боли и что есть силы подался вперед. Если бы не воины, бык рванул бы вперед, разбрызгивая кровь,

пока не испустит дух. Но крепкие руки не позволили ему сделать это. Силы быка иссякли: он припал на пошатнувшиеся передние ноги, потом шумно завалился на правый бок.

Бог смотрел на Царя. Но тот уже не обращал внимания на Бога. То ли впечатленный видом крови, которая лилась на него, то ли повинуюсь первобытному инстинкту, он никак не мог отвести взгляд от только что убитого животного. Ярость в глазах быка угасала, теперь они глядели беспомощно и печально. Царь не жалел о содеянном; сердце его наполнилось покоем: он исполнил свой долг. Но отчего-то не мог перестать смотреть в тускнеющие глаза своей жертвы.

ЗВЕЗДА И ПОЛУМЕСЯЦ

Оцепеневший взгляд жертвы был прикован к Ататюрку. Мужчина выглядел лет на пятьдесят: глаза темные, руки закинута за голову, ладони соединены будто в молитве. Запястья связаны нейлоновым шнуром. Ноги раскинуты и повернуты к морю. Прямые, подернутые серебром волосы разлетелись по мрамору; воротник жакета из табачного цвета кожи и бежевая рубашка потемнели от запекшейся крови. Если бы не элегантная борода с проседью, я бы с легкостью увидел глубокий порез на горле жертвы. Он-то, вероятно, и стал причиной смерти. Не раз мне доводилось видеть картины, подобные этой, но то ли из-за раннего утра, то ли по причине приближающейся старости, взглянув на труп, я вдруг почувствовал тошноту. Повернулся в сторону моря — воды его понемногу светлели.

Прямо передо мной проплыли два городских пароходика — пара крепких морских трудяг. Каждый оставлял после себя пенный след на слегка подрагивающей голубизне вод. В районе Сарайбурну дул легкий ветерок. Занимался молочно-голубой рассвет. Удивительный запах моря заполнил все вокруг. Деревья у подножия дворца, отделенного от нас асфальтовой дорогой, уже давно покрылись цветами. Кажется, вот-вот начну вспоминать старые добрые дни, Стамбул моего детства. Размытые виды, обрывочные звуки, осколки событий... Но нет, ни одно воспоминание не всколыхнулось в памяти. Внезапно я почувствовал на себе тяжелый взгляд. Поднял голову и вздрогнул: увядающий полумесяц на небе изучающе всматривался в меня.

Я думал, месяц, уступая утру, должен убывать, но он, напротив, рос, и с каждой минутой очертания его становились все более отчетливыми. От холода я дрожал как осиновый лист. Отвернулся от месяца. Поднял воротник пальто.

— Неужто совпадение? — голос скользнул эхом по маленькой площадке и утонул в конвульсиях моря. Это наш проныра Али интересуется. Он замер, уставившись на памятник Ататюрку. Было совершенно непонятно, к кому именно он обратился. Зейнеп среагировала быстрее меня:

— Что еще за совпадение?

Ее красивое лицо выражало смятение, будто девушка упустила что-то важное. Рукой с повизгивавшей рацией Али указал на бронзового Ататюрка.

— То, что жертву оставили прямо перед памятником. — Он вопросительно посмотрел на меня. — Что скажете, инспектор? Совпадение?

Не зная, что ответить, я подошел к статуе. Одетый в светское платье Мустафа Кемаль погружен в глубокие думы. Взгляд устремлен на голубые воды. Я промолчал, поэтому Зейнеп продолжила вместо меня:

— То есть как? Хочешь сказать, это жертва Ататюрку?

— Думаешь, такое невозможно? — голос Али был спокоен, будто он рассказывал о чем-то вполне заурядном. — Каких только маньяков у нас нет...

Он прав, но раньше я никогда не слышал, чтобы Мустафе Кемалю приносили человеческие жертвы.

— Нет, — прошептала Зейнеп, вновь возвращаясь к осмотру убитого, — мне кажется, это стечение обстоятельств. Если бы его принесли в жертву, то умертвили бы прямо здесь.

Правой рукой в резиновой перчатке она указала на мрамор под головой трупа.

— Тут нет пятен крови. Тело перенесли уже после убийства. Не думаю, что преступление как-то связано с Ататюрком.

— Не знаю, не знаю... — Али, кажется, собирался продолжить спор, но его слова утонули в гудке автопарома, который проплывал мимо, разрезая волны. Приглушенный сигнал напоминал рев дикого первобытного зверя и уже начал стремительно угасать, когда снова раздался голос Зейнеп:

— Здесь кое-что есть.

Она попыталась вытащить из связанных рук трупа какой-то предмет.

— Что-то металлическое... Есть, достала!

Это была круглая вещица, которую Зейнеп сжимала указательным и большим пальцами.

— Монета, — пробормотала она. — И похоже, старинная.

Али попытался прочесть надпись:

— По кромке идут буквы, а в центре — гравировка... Что это может быть?

Без очков мне ни за что не разглядеть рисунок на монете, его с трудом разбирал даже зоркий Али. Но только я собрался достать очки из внутреннего кармана пиджака, как Зейнеп воскликнула:

— Кажется, это звезда. А тут еще и месяц! — Она посмотрела на меня распахнутыми от удивления глазами. — Верно, месяц, а прямо по центру — звезда. — Немного замявшись, девушка добавила странным голосом: — Точь-в-точь как на нашем флаге.

ВИЗАНТИЙ

В лаборатории было темно. На экране высветилось яркое изображение монеты. Я смотрел на звезду, ее очертания были слегка размыты. Она как будто бы приютилась внутри полумесяца, поднявшего вверх свои тонкие рожки. По периметру монету обрамляло слово из девяти букв.

— Что за язык? — спросила державшая линейку Зейнеп. — Это не турецкий... Русский?

— Нет, — возразил я уверенно. — Это греческий.

Зейнеп и стоявший рядом Али повернулись и вопросительно посмотрели на меня. Мол, с чего я это взял?

— Я выучил греческий в доме дяди Димитрия. Он служил священником в патриархате. И жил со своей женой Сулой в еврейском квартале Балат. Их домик с садом прямо напротив нашего находился. Детей у дяди Димитрия не было. Я иногда захаживал к ним в гости. Там были греческие книги с картинками. Разглядывая их, я и выучил греческий. Но это было так давно, сейчас уже ничего не помню. Могу прочитать только отдельные слова.

— Отлично! Так что там написано, инспектор? — сгорая от любопытства, спросила Зейнеп. Взгляд ее был по-прежнему прикован к рельефной надписи на монете.

Али тревожно пробормотал:

— Это как-то связано с Византией?

Во взгляде Зейнеп тоже читался вопрос.

— Что? — удивился я. — Только не говорите мне, что вы не поняли, о чем речь.

Сначала мое возмущение не вызвало в них никакого отклика, но потом оба опустили глаза.

— Правда не знаете? Да бросьте, ребята! Это же Бизантион, Византий!.. Первое название города, в котором вы живете! Первое название Стамбула!

— Разве первое название Стамбула не Константинополь? — вскинулась Зейнеп.

Я замотал головой, не скрывая разочарования:

— Нет, конечно. Первым названием Стамбула было Византий. Константинополем город стали называть много столетий спустя.

Вдруг изображение на экране сменилось — перед нами предстал профиль женщины: волосы собраны сзади, черты лица довольно чет-

кие. Обратная сторона монеты, реверс. Чтобы избавиться от моих нравоучительных экскурсов в историю, Али поспешил дать другой кадр.

— А это — византка, византи... — он никак не мог правильно выговорить слово — опять сел в лужу. — Как-как назывался город? Полусерьезно-полушутя, но довольно резко я повторил:

— Византий, Али, Византий!

— Ну точно! — воскликнул мой напарник. — А эта женщина, видимо, византийская принцесса.

Я не был уверен. Какое-то время мы молча разглядывали женщину на экране.

— Не знаю, — наконец сказал я и подошел к выключателю. — В этом я такой же невежда, как и вы. Самое правильное — поговорить со специалистом.

Холодный флуоресцентный свет наполнил комнату, и изображение женщины на экране исчезло. В тот же миг я уловил какой-то приятный запах, совсем не типичный для нашей лаборатории. Гиацинты! Запах шел от цветов, стоявших в скромной вазе на столе у Зейнеп.

— Как мило! И кто же принес цветы?

Вопрос я задал своей помощнице, но краской залился Али. Зейнеп тем временем невозмутимо и даже гордо ответила:

— Али.

Вот так сюрприз. С чего это нашему неотесанному Али носить цветы Зейнеп? Они ведь цапались друг с другом при каждом удобном случае. В полном недоумении я посмотрел на него. Он раскраснелся еще сильнее. Отвел глаза, чтобы не встречаться со мной взглядом. Про себя я подумал, что неплохо было бы сейчас пошутить, но пристыженный парень выглядел так по-детски, что я передумал.

— Красивые, однако, цветы, — закрыв тему, я повернулся к Зейнеп. — Нам нужно найти специалистов: историки, ученые-нумизматы — всех, кто может помочь.

— Я займусь этим, — кивнула она.

Али тоже был рад сменить тему.

— Начнем со специалистов по монетам... Должна быть какая-то связь между месяцем, звездой и трупом у памятника Ататюрку.

Пунктик, за который он уцепился, был чрезвычайно важен. Месяц и звезда на монете, отлитой несколько тысяч лет назад, и Мустафа Кемаль... Что это? Политическое послание? Не исключено, что убийца или убийцы — террористы. Подумав еще немного, я решил, что это предположение нелогично. Никогда раньше террористические группировки, правые или левые, не использовали подобные методы. Их акты всегда имели четкие и конкретные цели. Мне не приходилось работать в политическом отделе, но я знал, что бóльшая часть терро-

ристических группировок управляется разведслужбами, а здесь-то какая связь? Хотя спецслужбы... возможно, они причастны к этому.

— Так-так, вся банда в сборе, — услышался голос Шефика.

На пороге, меряя нас взглядом, стоял энергичный инспектор-криминалист. Почувствовав напряженность, он мгновенно стал серьезным.

— А я вас как раз искал! — обратился он ко мне. — Личность погибшего установлена.

Отличная новость.

— Нашли документы?

Он показал на пакет с уликами.

— Мы обнаружили бумажник жертвы. В ста метрах от места преступления. В бумажнике было удостоверение, а неподалеку на дороге валялся разбитый телефон.

— Неподалеку? — уточнил я, взяв пакет.

— Лежали практически рядом, метрах в десяти друг от друга... На обочине шоссе, которое ведет из Сарайбурну в Эминёню... Прямо перед павильоном Сепетчилер. Возможно, их выкинули убийцы, когда покидали место преступления...

Я ждал этого, но мне надо было удостовериться:

— Убийцы... Почему ты думаешь, что преступник действовал не в одиночку?

— Это ведь жертвоприношение, как я понимаю. Если бы горло покойному перерезали на месте... они бы там скотобойню устроили, со всеми вытекающими. Значит, убили где-то в другом месте, а одному такой труп далеко не унести. — Тут он будто припомнил что-то важное: — Вы переговорили с местными жителями? Есть свидетели?

Эту работу вел Али, он и тотчас ответил:

— Напротив памятника дежурили военные из гарнизона, но они ничего не заметили. Еще работники парковки по соседству... Любители попить винишко на берегу. Они тоже плечами пожали. Мы опросили всех, кто был в Сарайбурну той ночью: никто ничего не видел.

Шефик кивнул:

— Скорее всего, действовали профессиональные убийцы. Около памятника нет ни следов, ни улики. Если, конечно, не считать трупа, — пошутил он.

Я снова подумал о том, что преступление — работа спецслужб... Загвоздка в том, эти ребята обычно не оставляют никаких посланий. Если, конечно, перед ними не стояла задача направить нас на ложный след.

— Но почему у памятника Ататюрку? — Али озвучил вертевшийся у всех на языке вопрос.

— Да, странно... — отреагировал Шефик.

Прокомментировать это никто из нас не мог.

— Действительно странно, — сказал я. — Может, убийцы и правда хотели дать нам наводку?

Мы еще долго рассуждали, но это нисколько не приблизило нас к истине. Я не стал устраивать мозговой штурм и просто высыпал на стол содержимое пакета.

Бежевое портмоне и расколотый надвое мобильный телефон.

— Шикарный бумажник, — Али был в своем репертуаре. — Кажется, у погибшего водились деньжата.

— Трудно сказать, — ответил Шефик и указал на торчащие из бумажника банкноты. — Похоже, убитый предпочитал наличность. Здесь ровно тысяча двести двадцать пять лир, наши ребята пересчитали. В перчатках, не беспокойся, — перехватил он мой взгляд.

Зейнеп не упустила эту деталь.

— Хочешь сказать, убийц деньги не интересовали? Себе в карман ничего не положили?

— Похоже на то. Не знаю, может, у жертвы было больше денег, но и эта сумма немаленькая.

Сейчас меня больше всего интересовала личность погибшего. Я натянул перчатки и достал удостоверение личности. Но от комментария не воздержался:

— Странно вас слушать, коллеги. Будь преступление совершено из-за денег, убийца или убийцы забрали бы всю наличность. По-другому еще ни разу не было.

— Так и есть...

Мы все сосредоточились на документе, который я держал в руках.

У мужчины на фото стрижка была немного короче, но, вне всяких сомнений, это был убитый. Недждет Денизэль. Родился в Стамбуле 12 августа 1959 года. В графе «семейное положение» значилось «холост».

— Преподаватель университета, — Шефик указал на визитную карточку, выпавшую из бумажника на стол.

— «Доктор наук Недждет Денизэль. Историк искусств, археолог», — вслух прочитал я.

Карточка отличалась от скромных визиток университетских преподавателей. Даже на расстоянии было видно, что она превосходного качества.

— Надо же, археолог! — воскликнул Али. — У меня такое ощущение, инспектор, что убитый был как-то связан с этим вашим Византием!

— Сейчас мы напрямик отправимся к нему домой, — кивнул я. — Узнаем побольше о Недждете Денизеле и Византии.

— Византий? — Шефик взглянул на нас в недоумении. — Что еще за Византий?

Али посмотрел на коллег с превосходством.

— Ты не знаешь, Шефик, правда? Стыдно такое не знать! Византий — первое название того самого города, в котором ты живешь!

Зейнеп устремилась на помощь смутившемуся Шефику:

— Помнишь монету, которую мы нашли в ладони погибшего? Византий — вот что было на ней написано...